

Б. А. Шелковников

Художественная керамическая промышленность средневековой Армении

До сих пор керамическая промышленность древнего Кавказа и в частности Армении была не изучена. Вскоре после арабского завоевания и распространения ислама, наложившего запрет на употребление утвари из благородных металлов, в Иране развилось производство высококачественных керамических изделий, затмившее своим блеском деятельность на этом поприще соседних стран: к Ирану стали относить все, что находили высококачественного на всем громадном пространстве от Гималайских гор до Кавказского хребта и долин Тигра и Евфрата. Все предметы, мало-мальски значительные и интересные в художественном отношении, приписывались Ирану без всякого критического подхода к материалу. Огромное большинство фаянсов европейских собраний, найденных любителями и антикварами иногда среди хозяйственного скарба у частных владельцев и на базарах, иногда в результате не систематичных кустарных раскопок, фактически лишено паспортов. Даже тогда, когда предметы были найдены в раскопках и, следовательно, место находки могло быть с точностью установлено, они обычно приписывались антикварами наиболее известным и популярным керамическим центрам Ирана с единственной целью—поднять их цену. В результате этих обстоятельств чрезвычайно трудно среди массы керамических изделий, приписываемых Ирану, как отделить производство соседних стран, так и установить—в каком центре Ирана производились те или иные керамические изделия. Только научно проведенные раскопки могли дать основной, прочно датированный и локализованный по месту находки материал, по аналогии с которым можно провести классификацию ближневосточной керамики.

Производившиеся в начале XX столетия под руководством **Н. Я. Марра** раскопки города Ани и в последние годы начатые Армянским филиалом Академии наук СССР и Государственным Эрмитажем **раскопки** Двина и Анберда дали богатейший керамический материал, **среди** которого наряду с привезенными из Ирана, Месопотамии и Китая изделиями имеется керамика безусловно местного происхож-

дения, проливающая свет на совершенно неизученную керамическую промышленность Армении в период от IX до XIII в.

Выделив, пользуясь сравнительным методом, из массы предметов, найденных в результате вышеупомянутых раскопок, безусловно импортную керамику и критически разобрав оставшийся материал, оказалось возможным, и в ряде случаев на основе веских соображений, доказать существование развитой керамической промышленности в средневековой Армении.

Пользуясь сравнительным методом, основное внимание было обращено на свойства черепка и глазури, на форму сосудов и стиль росписи. Определение твердости черепка производилось при помощи шкалы твердости Мосса. Пробная черта проводилась на ножке сосуда, обычно не покрытой глазурью; в тех случаях, когда ножка не сохранилась, испытывалась твердость излома. При этом необходимо упомянуть, что твердость ножки и излома не всегда одинаковы. Часто черепок в изломе, особенно у мягких фаянсов, бывает несколько мягче ножки, но не больше, чем на один номер шкалы. Так как разница в твердости между различными типами огромна и колеблется от твердости корунда у селадонов до твердости известкового шпата у простой поливной посуды, то колебание степени твердости в зависимости от места определения на одном и том же сосуде не является решающей помехой. Для определения твердости глазури шкала Мосса недостаточно чувствительна и для всех фаянсов дает одну и ту же величину—между 6 и 7 минералом шкалы.

Пользуясь шкалой Мосса, легко отделить каменные изделия и фарфор, так как твердость черепка даже самых твердых фаянсов не превышает 7-го минерала шкалы—кварца, у каменных же изделий она всегда выше, поднимаясь у селадонов, как уже упоминалось, до твердости девятого минерала шкалы—корунда. Отделив изложенным методом фарфор и каменные изделия, оказалось, что все они по характеру черепка, глазури и орнаментации безусловно дальневосточного происхождения, и, повидимому, на Ближнем Востоке производство этого типа изделий не существовало.

Переходя к описанию всех видов керамики, будем придерживаться классификации ее как по свойствам черепка и глазури, так и в особенности по технике украшения.

Неполивная керамика

Производство простой неполивной посуды было повсюду широко распространено. Так как столь дешевые и грубые и, в то же время, хрупкие изделия не могли перевозиться на далекие расстояния, то все находимые раскопками предметы приходится относить к местному производству. Повидимому, всюду, где в Армении имелись залежи глины, существовали гончарные мастерские, но на основе раскопочных материалов пока мы можем говорить лишь о двух центрах

производства—Двине и Ани¹. Найденные в этих местах предметы сильно отличаются друг от друга по свойствам черепка. Изделия Двина имеют светлый кирпично-красный или серый черепок, сравнительно тонкого строения; анийский же, наоборот,—сильно окрашенный и значительно более грубый и крупнозернистый; повидимому, мастерские Двина пользовались более высококачественными глинами, дающими при обжиге слабоокрашенный черепок.

Почти вся найденная в Армении неполированная керамика лишена украшений, и лишь карасы, большие горшки для хранения вина, масла и зерна, и ртутные сосуды украшены очень интересными тисненными и гравированными орнаментами.

Карасы были двух видов: первые, очень большие, до полутора метров в высоту, горшки с конусовидным дном, закапывались в землю на три четверти высоты. Они слабо украшены простыми геометрическими орнаментами. Гораздо интереснее второй вид карасов. Это—сравнительно небольшие пузатые сосуды, до метра в высоту, с широким горлом и дисковидным дном, украшенные рельефными орнаментами с использованием животных мотивов. Они не закапывались в землю и поэтому их поверхность тщательно обрабатывалась полировкой и окраской в красный цвет.

По характеру украшений полированные карасы делятся на два основных типа: к первому принадлежат карасы с крупными рельефными изображениями зверей—барсов, тигров и т. д. Изображения, расположенные в верхней половине горшка, повидимому, формировались отдельно и перед обжигом накладывались на поверхность сосуда. Они встречаются редко и лишь в Ани найдены фрагменты подобных карасов. Интересен анийский фрагмент № 41 с изображением барса.

Значительно более распространен второй тип карасов, украшенных орнаментированными полосами, нанесенными на предмет тиснением при помощи специальных валиков с рельефными изображениями. Эта техника украшения определяет особенность орнаментации. Во-первых, полосы тянутся непрерывно, обыкновенно обхватывая предмет по наибольшей окружности или несколько выше. От этой основной орнаментированной полосы иногда тянется несколько меньших к зеву сосуда. Во-вторых, сам орнамент имеет непрерывный характер; в тех же случаях, когда полосы разбиты поперечным делением на отдельные участки с разными фигурами, последние повторяются через две или три фигуры, в зависимости от того, сколько фигур нанесено на валик, при помощи которого оттиснуты эти украшения.

Один из таких валиков найден в Ани, что подтверждает описан-

¹ Керамика Анберда очень близка по характеру черепка к анийской, и возможно в этом феодальном замке своего производства глиняной посуды не существовало.

ную технику украшения и говорит о том, что в Ани производство карасов находилось в самом городе.

Орнаментированные полосы украшались или всевозможными плетениями и в ряд расположенными розетками, или стилизованными изображениями зверей и птиц: горных козлов, коз, быков, оленей, петухов, а иногда и схематическими фигурками людей.

Рис. № 1. Фрагмент караса. Ани, XII—XIII вв.

По характеру рельефа и стилю изображений фигурные пояса были двух типов. Для первого характерен округлый рельеф и тонкая моделировка умеренно стилизованных изображений животных. Для второго стиля характерны: плоский рельеф, расчлененность поперечным делением орнаментированной каймы и примитивность, почти схематизация, изображений животных, похожих на передачу зверей в ковровом искусстве, где ткацкая техника обуславливала как плоскостность изображения, так и схематизацию форм.

Карасы, найденные в Двине, очень близки к анийским. Они также украшены орнаментированными поясами, и их поверхность, как и у анийских карасов, окрашена в красный цвет и отполирована. Найденный в Двине карас № 204¹ как по технике украшения, так и по орнаментации (сильно стилизованные плоскорельефные рогатые животные) очень близок к анийскому фрагменту № 95 (рис. № 1). Сходство настолько велико, что можно было предположить общее происхождение этих изделий, если бы не характер черепка, значительно более тонкого и светлого у двинского экземпляра по сравнению с анийским.

¹ Воспроизведен в Известиях Армфан, № 4—5, стр. 182, рис. 1.

Последнее является общим признаком всех найденных в Двине фрагментов. Кроме того, яйцевидная форма двинского караса отличается от более округлой, почти шаровидной, формы анийских¹.

Следовательно, в Двине было самостоятельное, хотя и очень близкое к анийскому, производство карасов, что и понятно, так как такие крупные и дешевые изделия было невыгодно перевозить даже на близкое расстояние. По всей вероятности, полированные карасы производились во многих районах Армении. Встречаются они и в Азербайджане, где при раскопках старой Гянджи найдены фрагменты карасов с тисненной орнаментацией плоского рельефа, очень похожие на армянские, хотя об общем их происхождении не может быть и речи².

Датировка армянских полированных карасов облегчается следующими обстоятельствами. В Двине найдены лишь те типы полированных карасов, которые представлены в анийской коллекции. Следовательно, они не могут быть датированы ранее XI в., так как последний является вероятным пределом при датировке всей анийской керамики. С другой стороны, XIII в. является поздним пределом для керамики Двина, и следовательно карасы найденных в Двине типов, как, например, карасы с тисненной орнаментацией плоского рельефа, не могут быть датированы временем более поздним, чем XIII в.³ Гораздо сложнее решить вопрос о том, какие типы карасов являются более ранними и какие должны быть отнесены к более позднему времени.

Г. Чубинов, датируя анийские карасы на основе стилистического анализа, приходит к выводу, что наиболее ранним типом являются карасы с крупными накладными изображениями животных. Затем, по Чубинову, следуют карасы с орнаментированными поясами округлого рельефа, и самыми новыми автор считает карасы с поясами плоского рельефа.

С первым выводом Чубинова о датировке карасов с крупными рельефными изображениями животных можно согласиться, хотя ввиду ничтожного числа фрагментов этого типа вопрос нельзя считать решенным. Что же касается карасов с округло орнаментированными поясами, то их приходится относить по месту находки к концу XII, XIII вв. В этом отношении особенно интересен фрагмент № 43 (рис. № 2) с орнаментированным поясом округлого рельефа, найденный в 1912 г. при раскопках жилых домов, построенных не ранее конца XII в.

К этому же времени приходится относить и карасы, украшенные поясами плоского рельефа с схематическими изображениями зверей. Датирование их, как предполагает Г. Чубинов, более поздним

¹ Экземпляры почти целых анийских карасов не сохранились. К счастью, они опубликованы Г. Чубиновым в V т. „Христианского Востока“, вып. 1, в статье „Декоративное убранство анийских карасов“, табл. 10.

² Левитов В. Н.—„Керамика старой Гянджи“. Баку, 1940 г.

³ Материалы двинских раскопок еще не вполне изучены и культурные слои не датированы. Легко установить лишь XIII в. как предел для двинских памятников.

временем, ввиду находки карасов этого типа в Двине, невозможно. Последнее подтверждается еще тем, что при раскопках старой Гянджи найдены карасы той же техники украшения и очень близкие по стилю, датируемые XII—XIII вв.

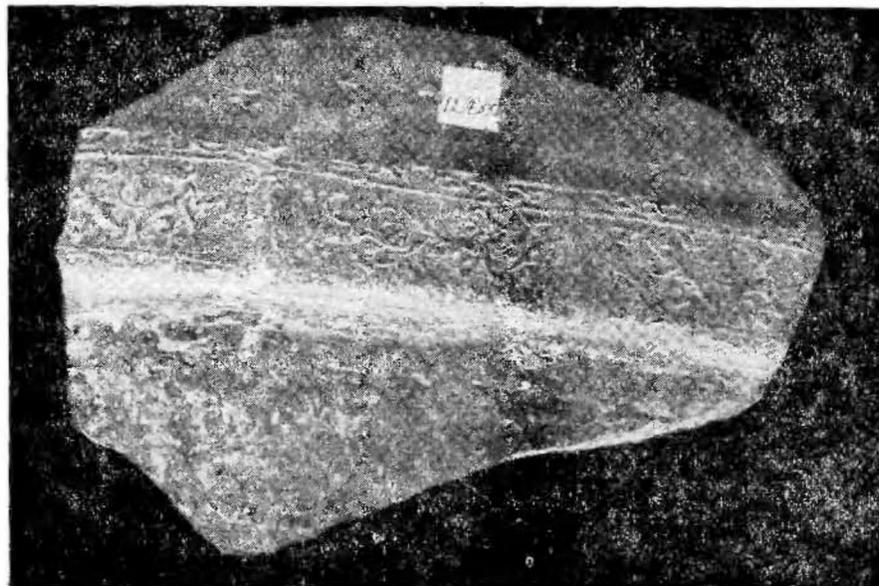

Рис. № 2. Фрагмент караса. Ани, XII—XIII вв.

Повидимому, оба типа карасов производились одновременно; и если вторые с изображениями плоского рельефа (более простого) отражали народные вкусы, их схематические фигурки близки к узорам ковров, то первые, значительно менее распространенные, подражали фигурной резьбе монументальной городской архитектуры, представленной в Ани церквами Тиграна Оненца и Бахтагеки начала XIII столетия.

Исторический музей наряду с карасами обладает большим собранием так называемых ртутных сосудов, найденных главным образом в Ани и в небольшом количестве в Двине.

Ртутными сосудами называются маленькие, обычно яйцевидной формы, изделия с небольшим отверстием и перехватом у горлышка для обвязки мягкой укупорки. Сосуды имеют толстые стенки и сделаны из очень плотной и твердой слабо-пористой массы тонкого строения. Достижение этих качеств было трудно в техническом отношении и требовало высокого обжига, необходимого для придания черепку твердости и плотности.

Следовательно, ртутные сосуды не относились к дешевым непорочным изделиям, перевозка которых на дальнее расстояние была бы экономически невыгодна, и в данном случае мы не можем так же

просто, по месту находки, решить вопрос о их происхождении, как это имело место для простой глиняной посуды и карасов.

Назначение ртутных сосудов до сих пор не вполне выяснено. Во всяком случае, представление о них как о боевых снарядах, вместилищах греческого огня, должно быть оставлено. Но и назначение их для хранения ртути, повидимому, верно лишь отчасти, ибо мы не имеем достаточных доказательств последнего. По всей вероятности, они служили главным образом для благовоний и, вероятно, не столько для хранения, сколько для перевозки. Толстостенность сосудов и твердость черепка сообщала им большую прочность, необходимую при перевозках, в особенности в условиях примитивных способов передвижения в средние века. В этом отношении они имели большое преимущество перед стеклом. Хранение же в ртутных сосудах было связано с неизбежной потерей вещества, так как стенки их все же были пористы. Здесь стекло, совершенно не пропускающее жидкости, имело значительное преимущество, и нужно думать, что перевозимые в ртутных сосудах драгоценные благовония хранились уже в стеклянных. Ртутные сосуды богато украшались рельефной орнаментацией, наносимой на поверхность тиснением при помощи штампов. Обычно вдоль сосудов располагались рельефные ребра, делящие поверхность на несколько полей. Каждое поле украшалось рядами выпуклых горошин, миндалей и розеток. Иногда пользовались инкрустацией кусочков голубого, похожего на бирюзу, вещества. Тщательность декоративной отделки подтверждает высказанное мнение о ценности этих изделий.

По свойствам черепка ртутные сосуды делятся на три вида. К первому относятся изделия со светлым, не очень твердым (по шкале Мосса от 4 до 5) черепком. Изделия этого вида редки, к ним относится фрагмент самого большого ртутного сосуда, найденного в Армении, № 1057. Он отличается богатой орнаментацией, и вся его поверхность украшена рельефным узором. По наибольшей окружности сосуда тянется широкий пояс, разбитый выпуклыми ребрами на ромбы, в центры которых вставлены горошины из зеленоватой массы. Ко второму относятся ртутные сосуды из твердой, по шкале от 6 до 7, зеленовато-бурой массы. Типичным примером этого вида является ртутный сосуд, найденный в Ани, № 1045. Вся его поверхность покрыта мелким рельефным орнаментом. В верхней половине сосуда расположены 8 вертикальных ребер, между которыми вставлены кусочки зеленоватой массы. И, наконец, к третьему виду относятся сосуды с очень твердым черепком, близким по твердости к дальневосточным каменным изделиям, но все же, хотя и незначительно, пористым. Черепок этих изделий тверже 7 минерала шкалы Мосса, т. е. кварца. К этому виду относится ртутный сосуд № 1046, также найденный в Ани и очень похожий по своей орнаментации на описанный сосуд второго вида.

Ртутные сосуды всех трех видов настолько близки по своим

украшениям, что трудно относить их к разным эпохам. Значительное число ртутных сосудов найдено в Ани при раскопках главной улицы, причем они были обнаружены под уровнем улицы времен греков. Последнее дает основание Н. Я. Марру¹ датировать их первой половиной XI в.

Но ртутные сосуды встречаются в Ани почти всюду, и значительное их число найдено при раскопках гостиницы, здания, построенного не ранее второй половины XII в. При этом некоторые образцы, найденные в гостинице, имеют совершенно ту же орнаментацию, что и сосуды, обнаруженные при раскопках улицы; так, например, найденный в гостинице фрагмент № 1067 украшен совершенно такими же листовидными треугольниками, как и фрагмент № 1075, найденный при раскопках улицы. В связи с этим приходится допустить или то, что производство сосудов было консервативно и мало менялось с временем как в технике производства, так и в орнаментации, или же допустить, что сосуды ввиду своей прочности долгое время служили для перевозки благовоний, не раз совершая путешествия. По всей вероятности, ртутные сосуды анийского типа производились в XI в., но употреблялись они и в XII в.

Место производства ртутных сосудов еще не изучено. Если верно предположение, что в основном они служили для хранения благовоний во время перевозки, то и производить их должны были в тех странах, где были развиты промышленность и торговля благовонными веществами. Находка в Ани ртутных сосудов с производственным браком говорит о том, что они производились в Армении².

Поливная керамика простой работы армянского производства

Находимая в раскопках простая керамика не могла, вследствие своей дешевизны, выдержать расходы, связанные с перевозкой на большие расстояния, и ей уже вследствие этого нельзя приписать импортное происхождение. Как в дальнейшем увидим, этот взгляд подтверждается стилем убранства и находкой в Армении производственного брака и орудий производства.

К наиболее древним образцам армянской поливной керамики с окрашенным черепком относятся небольшие плоские чаши, расписанные красками по ангобу³, под прозрачной глазурью. Керамика этого типа обнаружена лишь раскопками Двина. Для нее характерны: светлый кирпично-красный черепок сравнительно тонкого строения, что является, как уже упоминалось, отличительной чертой двинской керамики; окрашенный розоватый телесного тона ангоб и чисто геоме-

¹ *Марр Н. Я.*—Ани, «Книжная история города и раскопки на месте городища», стр. 82—95.

² Сведения сообщены акад. И. А. Орбели.

³ Ангоб—обмазка из, обычно, белой глины, маскирующая грубый и окрашенный черепок.

трическая орнаментация простого рисунка в трех красках—зеленый, желтокоричневый, и бурофиолетовый. При росписи этих изделий гравировка по ангобу не применялась. Украшались они орнаментацией трех видов. К первому виду принадлежит убранство небольшой чаши № 133¹ (рис. № 3) четырнадцати сантиметров в диаметре, с округлыми боками и кольцевой ножкой. Дно чаши разбито пересекающимися под прямым углом зелеными линиями на небольшие квадратики, внутри которых в шахматном порядке расположены желтые круги и фиолетовые стрелки. Для второго вида характерны маленькие зеленые овалы с желтой серединой и для третьего—более крупный орнамент с разводами и петлями. Имеются и переходные экземпляры, доказывающие, вместе с общей техникой украшения и однотипностью черепка, единое происхождение этой керамики, нигде, кроме Двина, не встречающееся².

4815
 Производилась эта керамика в IX—X вв., как видно из того, что, во-первых, большое число фрагментов этой керамики найдено в развалинах базиличной церкви, где обнаружены белые фаянсы с силуэтной росписью кобальтом, однотипные изделиям, найденным в Самарре³, датируемым IX в.; во-вторых, керамика этого типа отсутствует в богатейшей анийской коллекции, в которой представлены почти все типы, найденные в Двине. Последнее легко объяснить, если считать эту керамику более ранней; более позднее время для Двина отпадает. Городская жизнь Двина замерла в XIII в., в то время как Ани еще существовал в XIV в. Ранним же пределом для анийской керамики, по видимому, является XI в.

От первой половины XI в. сохранилось значительное число тонких фаянсов, но изделий простой поливной керамики, которую можно с уверенностью отнести к этому времени, мы не знаем, хотя производство безусловно продолжалось. Последнее, по видимому, объясняется случайностью, и нужно надеяться, что с продолжением дела раскопок будут получены дополнительные материалы, освещающие керамическое производство XI в.⁴ Все же, хотя и без достаточных оснований, к XI в. можно отнести керамику, расписанную ангобом, и найденную в Двине чашу № 503, украшенную соскабливанием ангоба. Последняя украшена двумя наложенными друг на друга фигурами, белой—ангоб оставлен, восьмилепестковой розеткой и темной—ангоб удален, четырехлучевой звездой. Форма этой плоской чаши на невысокой кольцевой ножке и ее размер, тринадцать с половиной см

¹ Воспроизведена в Известиях Армфан, № 4—5, стр. 184, рис. 2.

² Воспроизведены в Известиях Армфан, № 4—5, стр. 185, рис. 3.

³ Город на Тигре, был столицей Халифата в IX в. Керамика найдена в раскопках 1913 г. и опубликована проф. Зарре в 1925 г.

⁴ Вероятно, что речь может идти лишь о первой половине века, так как после сельджукского разгрома до второй половины XII века Армения находилась в таком экономическом упадке, что производство фаянсов и поливных изделий если и продолжалось, то в незначительных размерах.

в диаметре, сближают эту чашу с вышерассмотренной керамикой, расписанной по ангобу без гравировки, что наводит на мысль о более раннем ее происхождении.

К XII—XIII вв. принадлежит производство поливных изделий, украшенных гравировкой по ангобу под прозрачной глазурью (графито). Керамика этого типа относится к двум основным видам. Изделия первого вида украшены одной гравировкой под бесцветной или чаще цветной глазурью. Ко второму относится керамика, расписанная, помимо гравировки, тремя красками: зеленой, желтокоричневой и бурофиолетовой. Оба вида богато представлены среди раскопочных материалов Ани, Двича и Анберда. Керамика, украшенная одной гравировкой, обжигалась в печи в перевернутом виде, о чем свидетельствуют как следы от шипов треугольных подставок, всегда видимые на дне изделий этого вида, так и стекание глазури к краям сосудов. Две треугольные подставки найдены в Двине (№№ 485, 747), при этом одна из них вполне соответствует следам на дне большой, найденной в Двине чаши, покрытой изумрудно-зеленой глазурью (№675 Д 37¹). Так как подставки никакого применения, кроме производственного, не имели, то находка их в Двине говорит о том, что изделия этого вида производились в самом городе. Кроме того, в Двине найден поливной фрагмент с осколком, увязшим в расплавленной глазуре. Этот явный производственный брак также указывает на производство поливной керамики в городе. Поливная керамика, находящаяся в Ани, настолько сильно, по свойствам своего черепка, отличается от двинской, что ее двинское происхождение исключено.

Вместе с тем такие простые и сравнительно дешевые изделия не могли ввозиться издалека, поэтому приходится считать, что если не в самом городе Ани, то где-либо поблизости производились найденные в Ани изделия этого вида. Следовательно, в средние века в Армении существовало по крайней мере два центра производства керамики, украшенной гравировкой по ангобу. Находимые в Анберде изделия очень близки к анийским и, повидимому, имеют с ними общее происхождение, что и понятно, так как укрепленный горный феодальный замок, каким был Анберд, не был ни торговым, ни промышленным центром Армении.

О местном происхождении керамики, украшенной гравировкой по ангобу, говорит также и ее оригинальная орнаментация. Лучшие образцы украшены большими, во всю внутреннюю поверхность чаши, обычно восьмилепестковыми, розетками,—мотив нигде, кроме Армении, на керамике не встречающийся. Такой розеткой украшены как вышеупомянутая чаша двинских раскопок (№ 675)¹, так и найденные в Ани чаши: покрытая коричневой глазурью, № 304, и бесцветной—№ 307. У последней, помимо розетки, по борту тянется кайма из ряда казачевидных фигур—также исключительно армянский декоративный мотив

¹ Воспроизведена в Известиях Армфанд, № 4—5, стр. 188, рис. 5.

распространенный на анийских тонких фаянсах XI в., о которых речь будет впереди¹. Анийские изделия этого вида также часто украшались шахматным орнаментом, распространенным и на анийской архитектуре XII—XIII вв.². Последний встречается на Кавказе как на керамике из Дманиси, так и на керамике из старой Гянджи. Шахматным орнаментом украшена сохранившаяся на три четверти анийская чаша № 310 (рис. № 3), на дне которой расположены в шахматном порядке светлые и темные ромбы.

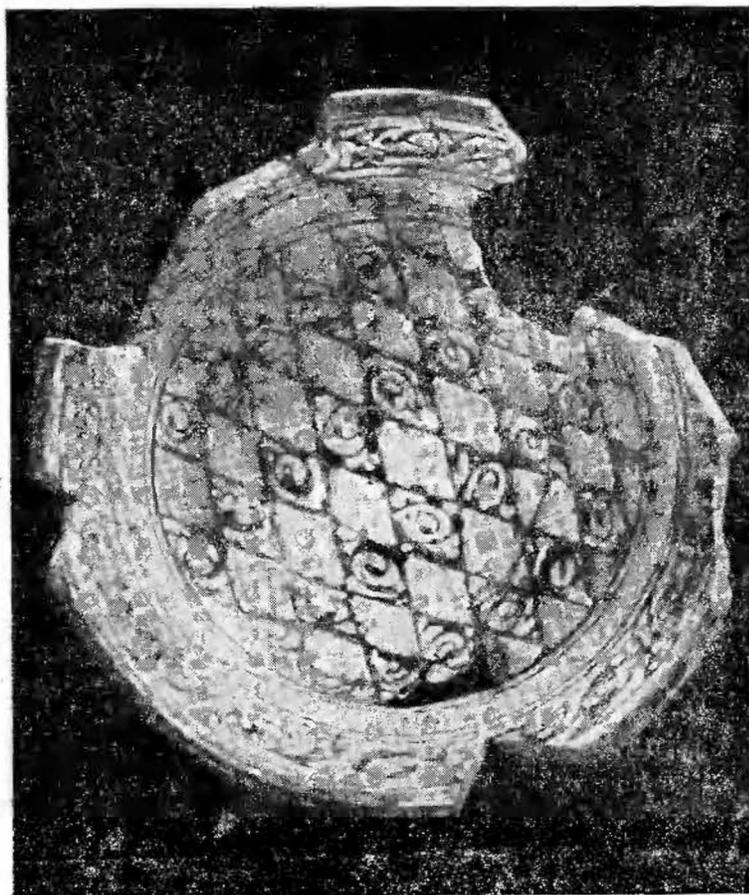

Рис. № 3. Чаша, украшена гравировкой и соскабливанием ангоба. Ани, XII—XIII вв.

Вне Кавказа этот декоративный мотив встречается крайне редко. Ни в собрании Эрмитажа, ни в таких полных изданиях, как *Rézard, Rivière, The Survey of Persian art* и каталог собрания *Eumorfio-*

¹ Близкие фигуры, но более правильной и простой формы и иначе распределенные на поверхности, встречаются на керамике Средней Азии X в. (*the Survey of Persian art*, табл. 561 а, чаша из собрания *Oscar Raphael*).

² Шахматные ворота, портал дворца Парона, дворец Саргиса и алтарные возвышения большой и малой церквей у Ашотовых стен. См. Н. Я Марр—„Ани“.

roulos, нет предметов, украшенных шахматной сеткой, также как и большой розеткой и калачевидным орнаментом. Изредка встречается лишь рельефная сетка похожего рисунка на керамике другой техники и эпохи¹. На чаше, найденной в Кише (Месопотамия), имеется шахматный орнамент анийского типа; Рейтлингер датирует ее XII в². Орнаментация подтверждает местное происхождение этих изделий.

По месту находки анийскую керамику этого вида, найденную при раскопках домов XII—XIII вв., приходится датировать этим временем; повидимому, к тому же времени относятся предметы, найденные в Двине, тем более что той же эпохой датируется керамика, украшенная гравировкой по ангобу, найденная в Дманиси и в старой Гяндже, где она обнаружена совместно с монетами XII—XIII вв³.

Керамика, украшенная, помимо гравировки, подглазурной росписью, также производилась в Армении по крайней мере в двух центрах—Ани и Двине. При этом изделия этих двух городов, отстоящих друг от друга всего на 120 км, резко отличаются между собою как по характеру черепка, всегда более светлого и тонкого по строению для Двина, так и по орнаментации. Для Ани типична роспись, согласованная с гравированным рисунком, в Двине же преобладает небрежная расцветка, часто совсем не согласованная с рисунком и лишь оживляющая поверхность предметов игрой красочных пятен. Кроме того, в Двине сильно распространена геометрическая или сильно стилизованная растительная орнаментация, в Ани же керамику этого вида часто украшают изображения человека, зверей и птиц, совсем не встречающиеся на изделиях Двина.

Анийская керамика этого типа очень близка к керамике Дманиси, старой Гянджи и Северного Ирана, двинская же стоит особняком и ближе к изделиям Средней Азии и Месопотамии, чем к производству соседних городов Кавказа.

Возможно, это объясняется тем, что в эту эпоху Двин имел преобладающее мусульманское население суннитского толка. После арабского завоевания Двин долгое время был центром арабского местничества, и здесь мусульманское провозверие была сильнее, чем в соседнем Азербайджане, где преобладали шииты, терпимо относящиеся к запрету изображения живых существ.

Великолепным образцом росписной гравированной керамики двинского типа является найденная в 1939 году у стен здания XII—XIII вв. большая чаша № 24, имеющая двадцать восемь с половиной см в диаметре. Внутренняя поверхность чаши покрыта ангобом, по которому гравирован орнамент.

Большой стилизованный цветок, с семью круглыми и семью острыми лепестками, заполняет внутри всю чашу. Раскраска небрежна

¹ М. Pézard, табл. 11, рис. 2 и Sarre, Die Ausgrabungen von Samarra, табл. 11, рис. 4.

² Третий международный конгресс по иранскому искусству и археологии 1935 г., статья G. Reitlinger. Islam glazed pottery from Kish, табл. LXXXIV.

³ Левиатов—„Керамика старой Гянджи“. Баку.

и почти совсем не согласована с рисунком. Края лепестков отненены зеленой краской, диски внутри круглых лепестков и борт покрыты желтокоричневой, а неправильные ряды пятен, выше дисков, нанесены темнофиолетовой. Блеск глазури, белизна фона, яркость красочных пятен очень красивы. Небрежность рисунка и раскраски не только не мешает художественности впечатления, но, усиливая игру красок, сообщает предмету декоративную живописность. Чаша относится к выдающимся произведениям керамического искусства и свидетельствует о высоком художественном уровне промышленности Двина¹

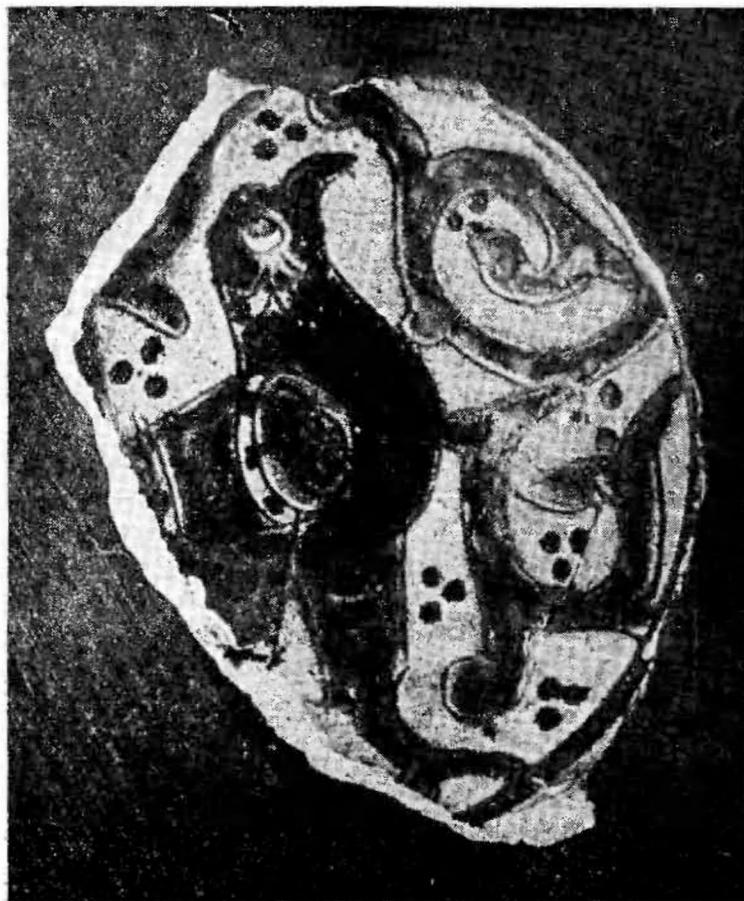

Рис. № 4. Фрагмент, расписан красками и украшен гравировкой по ангобу.
Ани, XII—XIII вв.

На таком же высоком художественном уровне стояло производство гравированной керамики в Ани. Характерным и прекрасным образцом анийской керамики является фрагмент чаши с изображением хищной птицы, № 309 (рис. № 4), размер 12×8 см., толщ. 7 мм. На дне чаши среди зеленых растительных побегов изображена хищная птица.

¹ Воспроизведена в Известиях Армфан, № 4—5, 1940 г.

Лапы, голова и грудь птицы желтокоричневые, крылья и ноги зеленые. Непосредственно к этому фрагменту примыкает великолепная анийская чаша с изображением женщины, № 306 (рис. № 5), диаметр 17 см, высота 8 см и толщ. 8 мм. Ее особенностью яв-

Рис. № 5. Чаша, расписана красками по ангобу. Ани, XII—XIII вв.

ляется то, что на ней гравировка заменена фиолетовым контуром. Во всем остальном она так близка к фрагменту с птицей, что ее общее происхождение не вызывает сомнения. — тот же черепок, те же краски и того же стиля рисунок. В особенности похожи растительные побеги с сидящими на них птицами и фиолетовые точки, также заполняющие пространство. Исключительный интерес представляет изображенная на дне чаши женская фигура как по характеру лица, с продолговатым овалом и большим резко очерченным носом, так и по костюму (головной убор с налобной повязкой), обнаруживающая местные армянские черты. Левая рука женщины упирается в бок, в правой, повидимому, зеркало. Волосы покрыты головным убором, прямолинейные очертания которого создают впечатление, что изображен

платок, накиннутый поверх налобной повязки. Головной убор зеленый, кофта желтая, надетая поверх зеленой нижней одежды. Юбка полосатая, чередуются белые, желтые и зеленые полосы. По сторонам фигуры сидят, на зеленых побегах, птицы, так же раскрашенные, как и птица вышеописанного фрагмента. Вся раскраска этой чаши, в мягких и глубоких тонах на теплом, белом, слегка желтоватом фоне, очень красива. Отсутствие гравировки говорит о том, что роспись по ангобу без гравировки не была совсем оставлена в эту эпоху, хотя и применялась редко. Вторая, найденная в Ани, расписанная по ангобу без гравировки чаша, № 320, диаметр 20 см, выс. 8 см, толщ. 7—10 мм, очень близкая как по черепку, так и по форме к первой, исключительно декоративна в красочном отношении. Расписана она одной темнофиолетовой краской под прозрачной зеленоватой глазурью. Темная, с нечеткими краями, фиолетовая розетка, украшающая всю поверхность этой чаши, мягко выделяется на светящемся зеленоватом фоне. К росписной с гравировкой керамике относятся в Музее еще интересные фрагменты, найденные в Ани, с изображениями зверей—льва среди лучей и быка среди растительных побегов.

По месту находки гравированная расписная керамика относится к тому же времени, как и керамика, украшенная одной гравировкой, то есть XII—XIII вв. Последнее опровергает распространенное в литературе мнение, что вторая является более ранней по сравнению с первой. В этом сходятся почти все авторы, хотя и датируют гравированную керамику разным временем¹.

Заканчивая обзор простой поливной керамики, остановимся на одной чаше № 305, диам. 17 см., расписанной фиолетовой и красной краской по ангобу, без гравировки.

Чаша стоит особняком в собрании. Найдена она в Ани при раскопках колодцев—хранилищ дворца в Вышгороде совместно с тонкими фаянсами, украшенными гравировкой по сырому тесту; ее, по месту находки, приходится датировать первой половиной XI в. Она отличается от остальной керамики, найденной в Армении, своим, ярко-го цвета и тонкого строения, черепком, росписью, с применением красной железной краски, и орнаментацией.

Вместе с тем она очень похожа на росписную без гравировки керамику Афрасиаба, (городище близ нынешнего Самарканда) как своей формой (конусовидные бока, под углом отходящие от плоского доньшка, и низкая ножка), так и черепком и геометрической орнаментацией. Афрасиабская керамика этого вида также расписывалась красной железной краской, лежащей на ангобе толстым слоем. В Армении же, как и вообще в Закавказье и северном Иране, железная краска на росписной по ангобу керамике не встречается. Все эти соображения наводят на мысль о том, что эта чаша была завезена

¹ Maurice Pézard первые датирует VIII в., вторые X в. (M. Pézard „La ceramique de l'islam et ses origines. Paris“. 1920). R. Hobson растягивает датировку от X по XIV в. (A guide to the islamic pottery of the near east. London, 1932). A. Pope относит ее к X—XII вв. (The Survey of Persian art, London, 1938—39).

в Ани из Средней Азии, тем более что она тонкостью своей работы относится к высококачественным керамическим изделиям и рассмотрена нами в отделе простой поливной керамики только потому, что ее окрашенный черепок, как и у остальных описанных здесь предметов, покрыт ангобом.

Поливная керамика с белым или почти белым черепком армянского производства (фаянсы)¹

В этом отделе мы рассматриваем керамику с настолько светлым черепком, что маскировка его ангобом излишня. В Армении производились эти изделия в течение трех веков, с XI по XIII в. Эта керамика покрывалась прозрачными глазурями, иногда бесцветными, иногда цветными. По черепку и технике украшения она относится к нескольким видам: фаянсы, украшенные гравировкой по сырому тесту и ажуром, расписанные люстром² и украшенные накладными рельефными фигурами. Изделий, покрытых глухими непрозрачными глазурями местного происхождения, мы не имеем. Повидимому, в средние века эта техника не была распространена в Армении. Последнее, возможно, объясняется конкуренцией Ирана, откуда ввозилось в Армению большое число высококачественных фаянсов, расписанных красками и люстром по непрозрачной глазури.

Тонкие, мягкие фаянсы, украшенные гравировкой и ажуром. К этому виду относятся, обычно небольшие, тонкостенные чаши 17,5—18,5 см в диаметре, с округлыми боками на очень низкой кольцевой ножке. Все они найдены в Ани в 1907 году.

Черепок этих изделий отличается белизной, тонкостью строения и большой мягкостью. На нем оставляет след третий минерал шкалы твердости Мосса—кальций.

Покрывались эти изделия прозрачными глазурями, бесцветными или окрашенными в синий, голубой и изредка в фиолетовый цвет. Украшались они гравировкой по сырому тесту, плоским тисненным рельефом и своеобразным, по техническому приему, ажуром. В стенках предметов просверливались дырочки, заполняемые прозрачной глазурью, что оживляло поверхность предмета светящимися точками. Мастер при этом не стремился подчеркнуть ими орнаментацию, а, небрежно разбрасывая их по поверхности, лишь использовывал для ажюра более тонкие места черепка, образовавшиеся от вдавленного орнамента. Во всех случаях дырочки просверливались с обратной стороны предмета, причем предварительно на гладкой, лишенной украшений, наружной поверхности делались небольшие выемки. Очень

¹ Термин „фаянс“ употребляется в разных смыслах. В широком значении этого слова фаянсом называется вся высококачественная поливная керамика с перистым черепком. В узком—лишь изделия, покрытые непрозрачными, содержащими олово, глазурями. Мы употребляем термин „фаянс“ в широком значении этого слова.

² Люстр—надглазурная краска с металлическим, обычно золотистым, отливом.

близкие, по технике украшения, фаянсы производились в Иране, но они настолько отличаются от анийских черепком, формой и орнаментацией, что нет возможности приписать последним иранское происхождение. Для иранских фаянсов этой техники украшения характерен очень плотный и твердый, по шкале Мосса тверже пятого минерала шкалы—апатита, черепок и иная форма кольцевой ножки с высоким, иногда почти цилиндрическим, иногда конусовидным ободком, вместо невысокого валика, характерного для анийских фаянсов. Наконец, совершенно своеобразная орнаментация, нигде, кроме Армении, не

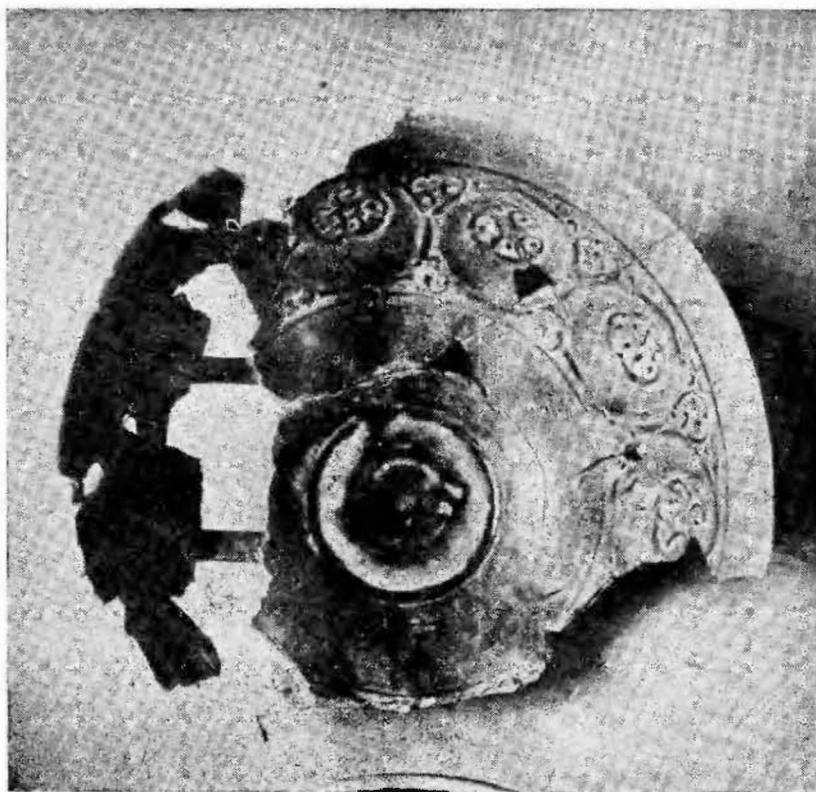

Рис. № 6. Чаша фаянсовая. Глазурь синяя. Ани, XI в.

встречающаяся, не только исключает иранское происхождение найденных в Ани предметов, но и доказывает местное армянское происхождение последних, что подтверждается меткой мастера в виде армянской буквы *ч* на обратной стороне доньшка чаши № 758 (рис. 6), покрытой синей глазурью и украшенной гравировкой и ажуром.

Наиболее распространен у этих фаянсов калачевидный орнамент, уже описанный нами при разборе простой поливной керамики. Этот мотив встречается лишь на анийских фаянсах. Им украшена белая чаша № 755 и вышеупомянутая чаша с меткой мастера, № 758 (рис. № 6). У них внутри по борту тянется кайма из ряда калачевидных

фигур, исполненных плоским рельефом. Сами фигуры выпуклы, а фон как внутри, так и вокруг фигур вдавлен. Углубленные места украшены гравированными завитками и бессистемно просверленными дырочками. Также украшены чаши №№ 763, 757, покрытые синей глазурью.

Вторым, чисто армянским мотивом является большая, во всю поверхность предмета, розетка. Ею украшена чаша № 752 (рис. № 7), покрытая синей глазурью. Розетка исполнена плоским рельефом.

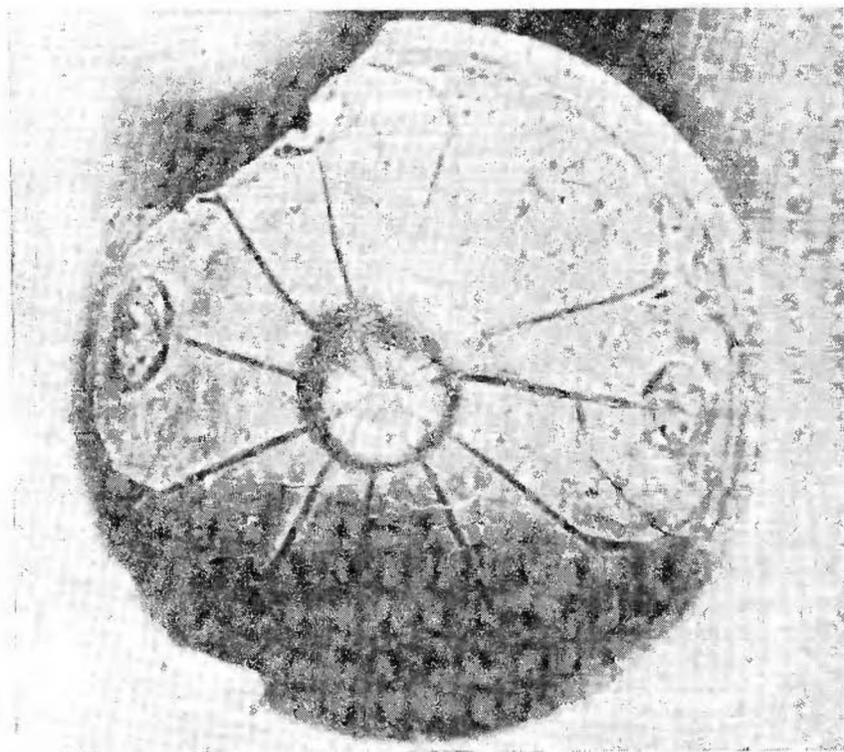

Рис. № 7. Чаша фаянсовая. Глазурь синяя. Ани, XI в.

Овалы внутри лепестков и пространство между лепестками и кругом, в который вписана розетка, вдавлены и украшены гравированными завитками и дырочками, заполненными прозрачной глазурью. Этот тип розетки, как уже упоминалось, распространен на грубой поливной керамике, производившейся как в Ани, так и в Двине.

Встречается на тонких мягких фаянсах и непрерывно выющийся орнамент, стилизованная виноградная лоза, также распространенная на грубой армянской керамике с окрашенным черепком и гравировкой по ангобу, № 755. Эта чаша при сходстве черепка и глазури отличается от описанных ранее своим размером, диаметр 22 см, формой, ее края загнуты внутрь, и более широкой гравировкой без ажюра. Вероятно, она относится к другой керамической мастерской того

же промышленного центра. Найдена она вместе с прочими изделиями этого вида в колодце—хранилище дворца в Вышгороде. Непрерывный, вьющийся орнамент, в отличие от описанных выше, не был исключительно армянским декоративным мотивом. Он встречается почти повсеместно—в Византии, Иране, Киевской Руси и даже Китае, но нигде он не был так широко распространен, как в средневековых Армении и Грузии. Им украшались миниатюры рукописей, архитектура, и им очень часто (в Грузии почти всегда) пользовались при фресковой росписи внутренности храмов. На анийской керамике этот мотив повторяется чаще других.

На мягких фаянсах встречается еще один декоративный мотив, видимо, местного происхождения. Это—большой фигурный лист, обрамляющий дно чаш. Им украшена чаша тарелочной формы, № 767, диаметр 21 см, покрытая удивительно красивой прозрачной голубой глазурью, сохранившей, ввиду белизны черепка, чистоту своего тона. Эта чаша, по сходству техники украшения и черепка, вероятно, относится к той же мастерской, что и чаша с непрерывным вьющимся орнаментом. К тому же производству относится небольшая чаша фиолетовой глазури, № 766; ее украшает большая четырехлепестковая розетка.

К высшим достижениям армянской (анийской) керамической промышленности принадлежит белая чаша № 771 (рис. № 9), судя по форме, размерам и черепку, относящаяся к тем же мастерским, что и чаши, украшенные калачевидным орнаментом. По ее борту тянется линия, разбитая зигзагом на треугольники. Последние украшены гравированными завитками и маленькими, заполненными бесцветной глазурью отверстиями.

Все описанные изделия отличаются изысканностью своего убранства. Тонкий гравированный орнамент никогда не заполняет всего пространства, оставляя глазу возможность любоваться красотой гладкой цветной поверхности. Прием украшения при помощи гравировки и инкрустации носит чисто керамический характер, как и простая, изысканная форма этих небольших сосудов. Вероятно, производство этого типа изделий в Армении так же, как и в Иране, возникло под непосредственным влиянием дальневосточной керамики, найденной как в Ане, так и в Двине.

Датировка мягких тонких фаянсов облегчается тем обстоятельством, что все они найдены при раскопках дворца, по свидетельству Н. Я. Марра, в колодцах—хранилищах последнего.

Так как эти колодцы, повидимому, были засыпаны во время сельджукского разгрома Ани в 1064 году и дворец не был полностью восстановлен в последующую эпоху, то найденную здесь керамику можно датировать, самое позднее, серединой XI в. Это предположение подтверждается следующими обстоятельствами: во-первых, нигде, кроме дворца, как уже говорилось, эти фаянсы не найдены. Во-вторых, важно, что их не оказалось среди богатейшей коллекции

первоклассной иранской и китайской керамики XII—XIII вв., найденной в 1912 г. в Ани при раскопках жилых домов, построенных в конце XII в.

Объяснить это явление можно только тем, что мягкие, тонкие фаянсы относятся к другой эпохе, а так как более позднее время для изделий, украшенных гравировкой по сырому тесту и ажуром¹, отпадает, приходится предположить более раннее, то есть XI в.

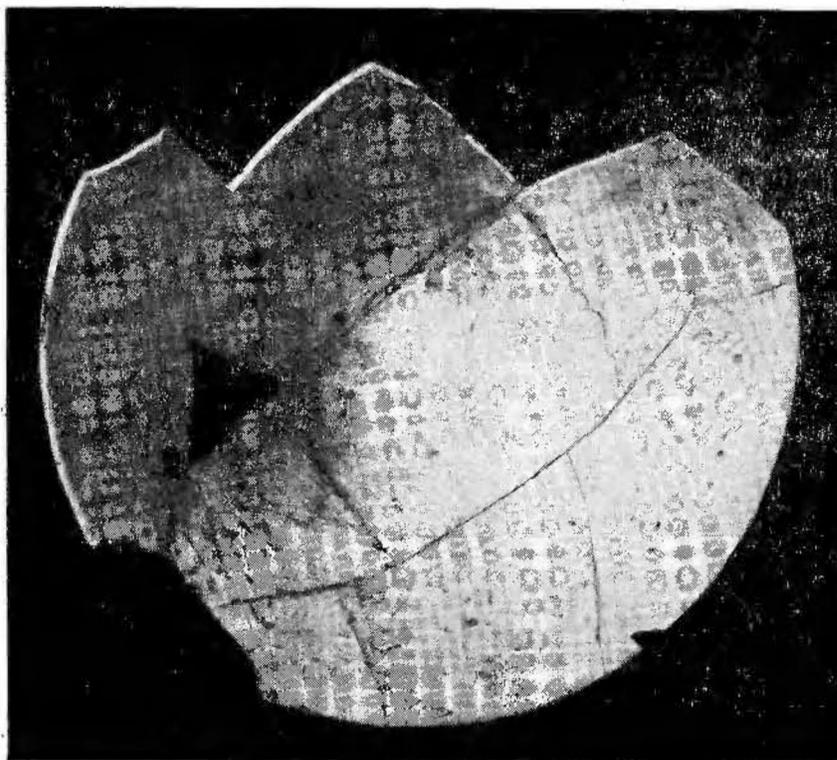

Рис. № 8. Чаша фаянсовая. Глазурь бесцветная. Ани, XI в.

Во-вторых, вместе с этими изделиями в колодце багратидского дворца найдена китайская фарфоровая чаша X в.

Фаянсы, расписанные люстром

Эти изысканные изделия также производились в Армении, хотя, повидимому, в очень небольшом количестве. В Историческом музее

¹ G. Migeon (L'orient musulman. Paris, 1922)—датирует их X—XII вв. Ernst Kühnel (Sammlung Oskar Skaller, 1927) датирует XI—XII вв. R. Hobson (A guide to the Islamic pottery of the near east) относит иранские изделия к XII в. London, 1932 г. A. Perse (The survey of persian art London, 1938—39) датирует их, как и мы, X—XI вв. London, 1938—39г.

имеются лишь одна чаша и два фрагмента, найденные в Ани. Как чаша, так и фрагменты сделаны из тонкого, мягкого фаянса, совершенно аналогичного описанным изделиям, с гравировкой и ажуром. Сходство

Рис. 9. Чаша и два фрагмента, фаянсовые. Расписаны люстром.
Ани, XI в.

черепка и формы настолько велико, что приходится их относить не только к одному месту, но и к одним и тем же керамическим мастерским. В особенности близок, почти тождественен, черепок, расписанный люстром чаши № 776 (рис. № 9), к белой чаше № 771 (рис. № 8).

Она имеет ту же форму, но меньшего размера, ее диаметр равен 15,5 см. Найдена чаша также при раскопках колодцев—хранилищ дворца и, следовательно, ее нужно датировать XI в.

Чаша относится к высшим достижениям армянской керамики и не уступает лучшим изделиям Ирана. Внутри желтокоричневым люстром с небольшим синеватым отливом, по белой, цвета слоновой кости, поверхности, поверх прозрачной бесцветной глазури, написана в широкой и смелой манере фантастическая птица с женской головой в трехзубчатой короне. По сторонам сирина брошены небольшие стебельки с цветами и бутонами. Живопись отличается большим декоративным мастерством и говорит о развитом художественном вкусе мастера, умело вписавшего в круг фантастическую птицу, с большим чувством меры украсившего свободные поля растительными побегам и создавшего гармоническое красочное сочетание.

Изображение сиринов было распространено на иранских фаянсах, в особенности на изделиях, украшенных полихромовой надглазурной росписью—минаи.

Но при сравнении анийской чаши с иранскими бросается в глаза разница в манере изображения человеческого лица. Вместо круглых лиц монгольского типа, с мелкими чертами и небольшим носом, характерных для иранских фаянсов, женское лицо анийской чаши отличается продолговатым овалом, крупными чертами и большим, резко очерченным носом. Не встречается на иранских изображениях и головной убор в виде трехзубчатой короны. Повидимому, для анийской чаши приходится искать аналогии не в восточном иранском мире, а скорее в западном, в византийском. Действительно, среди эрмитажной коллекции имеется кувшин из Херсонеса с двумя сиринами, похожими на анийские характером лица и головным убором. Кроме того, живопись анийской чаши отличается динамизмом. Крылья птицы наполовину сложены, они еще трепещут, не то после недавнего полета, не то готовые взлететь вновь. Опять бросается в глаза сходство с херсонесскими сиринами, у которых крылья разбросаны, в противоположность спокойным позам иранских изображений.

Полупрозрачные белые фаянсы, подражающие китайскому фарфору

Эти изделия отличаются исключительно высокими техническими качествами. Их черепок по тонкости строения, белизне и полупрозрачности настолько близок к фарфору, что трудно отличим от последнего. Лишь незначительная пористость черепка и меньшая, чем у фарфора, хотя и очень большая, твердость, по шкале от 6 до 7, говорит о том, что мы имеем дело с фаянсом. В Историческом музее имеется одна чаша и до двух десятков фрагментов этих изделий, найденных в Ани совместно с описанными выше мягкими фаянсами и, следовательно, также относящихся к XI в.

По технике украшения они также очень близки к ним. Гравировка по сырому тесту, того же типа ажур и тиснение служат для их украшения и говорят о том, что мастера подражали китайскому фарфору не только в материале, но и в технике украшения. Лишь характер орнаментации говорит о местном, ближневосточном происхождении этих фаянсов.

Лучше других сохранилась чаша № 770. Ее форма, с округлыми боками и невысокой кольцевой ножкой, очень похожа на мягкие фаянсы, украшенные гравировкой и ажуром, местное, армянское, происхождение которых может считаться доказанным.

Чаша украшена, лишь снаружи, небольшими, в три ряда расположенными, вдавленными ложками.

Вторым экземпляром полупрозрачного фаянса Музея является фрагмент чаши № 758. Сохранился лишь ободок чаши, поэтому нельзя судить о форме в целом. Снаружи чаши видны концы семи рельефных лепестков, она как бы сидит в цветке. Внутри по борту тянется фриз непрерывного вьющегося орнамента, стилизованная виноградная лоза, исполненного тончайшей гравировкой по сырому тесту.

Остальные фрагменты этих изделий относятся, по крайней мере, к трем—четырем предметам, они украшены тем же непрерывным орнаментом и клеймами из завитков; последние оживлены небольшими, заполненными глазурью дырочками.

Форма первой чаши, как уже говорилось, очень близкая к форме мягких армянских фаянсов, и орнамент второй, хотя и широко распространенный, но нигде не встречающийся так часто, как в искусстве Армении и Грузии, дают нам право относить эти изделия к местному производству, хотя этот вопрос нельзя считать решенным, так как полупрозрачные твердые фаянсы производились и в Иране, на которых также встречается, хотя и значительно реже, гравированный орнамент похожего рисунка. Лишь форма иранских фаянсов с высокой кольцевой ножкой, отличающаяся от армянских, говорит против иранского происхождения найденных в Ани полупрозрачных белых фаянсов, подражающих китайскому фарфору.

Фаянсы с накладными рельефными украшениями

Все вышеописанные фаянсы, найденные в Ани и датированные началом XI в., относятся к цветущему периоду городской жизни багратидской эпохи, предшествующей сельджукскому разгрому. Когда страна в XII в. стала оправляться от вражеского нашествия, мы вправе ожидать, с восстановлением промышленности и торговли, нового расцвета керамической промышленности. Действительно, к этому времени, то есть к XII—XIII вв., относятся находимая в Двине и Ани как расписанная по ангобу керамика, о которой уже говорилось, так и очень интересные фаянсы с накладными рельефными украшениями. Но все же последние, при всем своем художественном свое-

образии как по качеству черепка, значительно более грубого и зернистого, так и по моделировке, далеко не такой тонкой и точной, сильно уступают фаянсам багратидской эпохи. Это явление, повидимому, объясняется конкуренцией Ирана, где в это время керамическая промышленность достигла небывалого расцвета, и армянский рынок, судя по находкам огромного числа иранских фрагментов в Ани и в Двине, был наводнен художественной продукцией Ирана, принявшей в это время, благодаря емкости внутреннего рынка, массовый характер. Армянские керамические мастерские, не располагавшие рынком такой емкости, не могли перейти к массовому производству и были не в силах выдержать конкуренцию ввозимых изделий. Они были вынуждены изготавливать керамику, находившую сбыт своей относительно дешевой, к каковой и нужно отнести фаянсы с накладными рельефными украшениями.

Эти фаянсы обнаружены как раскопками Ани, так и Двина, причем они настолько близки друг к другу, что, возможно производились в одном месте, но где именно—сказать сейчас невозможно. Во всяком случае им нельзя приписать импортное, не кавказское происхождение, так как таких изделий нигде, кроме Армении и Грузии, не было найдено, а их орнаментация настолько оригинальна, что ей трудно найти аналогию в керамическом производстве средних веков.

Как уже говорилось, черепок этих изделий имеет сравнительно грубое и зернистое строение, но отличается белизной, позволяющей покрывать предметы прозрачными цветными глазурями без ангоба. Последние были двух цветов—синие и голубые. Из этого фаянса делались преимущественно глубокие чаши, с почти вертикальным бортом и перехватом у края, но встречаются и вазы. Украшались изделия накладными розетками, жгутами и маскаронами в виде женской головы, в причудливом головном уборе, и львиных морд. На фрагменте, найденном в Двине, № 1063¹, с расположенными в шахматном порядке маскаронами в виде женской головы, виден след от отскочившего маскарона, что указывает на накладную технику этих изображений. Фрагмент покрыт синей глазурью.

Очень красивой голубой глазурью покрыт маскарон в виде львиной морды, № 580 (рис. 10, центр.), найденный в Ани. Там же найден голубой фрагмент с женской головой, № 578 (рис. № 10, сверху, налево). В 1939 году в Двине найдена ваза с широким горлом и пузатым туловом, покрытая синей глазурью, № 55².

Горло вазы украшено двумя рядами накладных украшений: наверху небольшие маскароны, не то с человеческими лицами, не то с сильно стилизованными львиными мордами, в высоких головных уборах (возможно, что это—волосы или львиная грива). Фрагмент таким же маскаронам, найден и в Ани, № 421 (рис. 10, внизу, справа).

¹ Воспроизведен в Известиях Армфаян, № 4—5, стр. 190, рис. 6.

² Воспроизведена в Известиях Армфаян, № 4—5, стр. 191, рис. 7.

Внизу горла расположены небольшие кнопки розетки. Кроме накладных фигур, ваза украшена сравнительно грубой и широкой гравировкой.

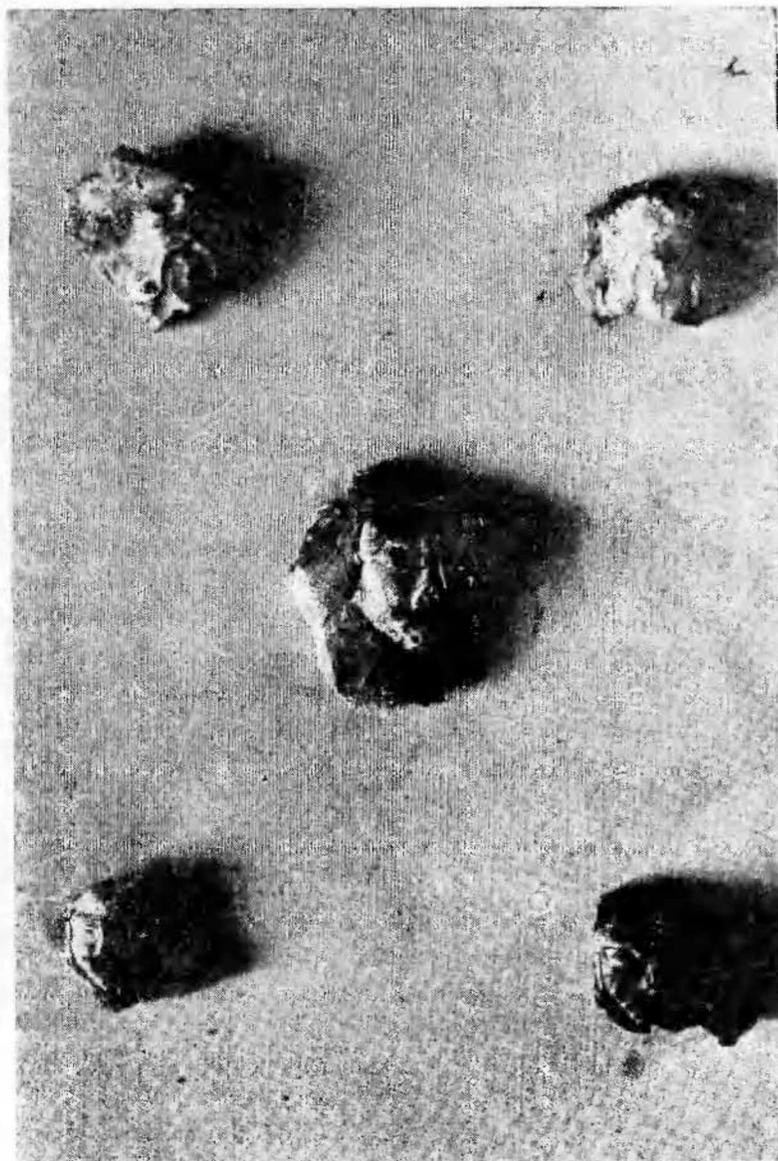

Рис. № 10. Фрагменты, украшены накладными рельефными фигурами.
Ани, XII—XIII вв.

К выдающимся образцам этого фаянса относятся еще два фрагмента глубоких чаш, найденные в Ани. Фрагмент № 744 покрыт голубой глазурью и украшен накладными маскаронами в виде женской

головы, на нем виден след от отскочившего маскарона. Второй фрагмент № 755 покрыт синей глазурью и украшен накладными жгутами.

Вышеописанная ваза найдена в Двине совместно с кувшином люстрового фаянса в виде сирина, безусловно иранского, рейского, происхождения, датируемого XII—XIII вв. Этим же временем датируются, по месту находки, фрагменты, найденные в Ани. Следовательно, фаянсы с рельефными накладными фигурами производились в Армении в период после сельджукского завоевания, когда Армения переживала эпоху последнего расцвета перед монгольским нашествием.

Заканчивая фаянсами обзор армянской керамики Музея, мы видим, что Армения имела развитую керамическую промышленность, хотя и находившуюся под влиянием соседних стран и Дальнего Востока, но настолько самобытную и оригинальную, что ей должно быть отведено почетное место в средневековой керамике Ближнего Востока.

Неполивная керамика, украшенная тисненными орнаментами, карасы, производилась по крайней мере в двух центрах—в Ани и Двине. Здесь же изготавливались изделия, расписанные по ангобу, которые в противоположность карасам стилистически сильно отличаются друг от друга. Если анийская по характеру своей росписи очень близка к изделиям, той же техники украшения, Грузии, Азербайджана и Северного Ирана, то двинская сильно от них разнится своей геометрической и стилизованной растительной орнаментацией. Она ближе к керамике Месопотамии и Средней Азии, чем к керамике Ани.

Помимо простой поливной посуды, в Армении производились тонкие белые фаянсы, покрытые бесцветной или цветной прозрачной глазурью и украшенные гравировкой и ажуром. Все они найдены в Ани и по месту находки относятся к багратидской эпохе, то есть к первой половине XI в. Армянское происхождение этих фаянсов может считаться доказанным, хотя центр их производства неизвестен. Возможно, это был сам город Ани, возможно, они производились где-нибудь поблизости; пока у нас нет данных решить этот вопрос. Техника росписи люстром была известна в Армении, ею украшались фаянсы, похожие на изделия с гравировкой и ажуром. Их также нужно относить к раннему, XI, в.

В XII—XIII вв. в Армении производства фаянсов, столь тонких и изысканных, как изделия XI в., повидимому, не существовало. Не найдено также местных фаянсов этого времени, украшенных люстром. Повидимому, конкуренция Ирана, откуда в эту эпоху ввозились в Армению высокохудожественные фаянсы, подорвала местное производство. Выдерживали конкуренцию лишь сравнительно дешевые изделия, как фаянсы, сравнительно грубые по черепку и моделировке, но украшенные очень интересными накладными фигурами. Эти изделия в большом количестве найдены в Ани и в Двине, при эт

они настолько близки друг к другу, что вероятно производились в одном центре, но где именно—мы не знаем.

Армянский филиал Академии наук СССР
Институт истории и материальной культуры.

Բ. Ա. ԵԵԼԻՈՎԵԼԻՈՎ

ՄԻՋՆԱԴԱՐՅԱՆ ՀԱՅԱՍՏԱՆԻ ԳԵՂԱՐՎԵՍՏԱԿԱՆ ԿԵՐԱՄԻԿԱՅԻ ԱՐԴՅՈՒՆԱԳՈՐԾՈՒԹՅՈՒՆԸ

Ա Մ Փ Ո Փ Ո Ւ Մ

Ակադեմիկ Ն. Մառի ղեկավարությամբ XX դարի սկզբներին Անի քաղաքում կատարված և վերջին տարիներս ՄՄՈՒՄ Դիտությունների Ակադեմիայի Հայկական ֆիլիալի Պատմության և նյութական կուլտուրայի ինստիտուտի կողմից Դվին քաղաքում սկսված հնագիտական պեղումները կերամիկայի բավական հարուստ նյութ տվին:

Իրանից, Միջագետքից և Չինաստանից ներմուծված խեցեղեն իրերի հետ մեկտեղ գտնված է անպայման աեղական ժազում ունեցող զննարկա: Այդ խեցեղեն իրերի բարձր որակը և գտնված նմուշների զգալի շատությունը վկայում են, որ միջնադարյան Հայաստանն ունեցել է կերամիկայի զարգացած արդյունագործություն:

Հայաստանում X—XI դարերում անգորի վրա գունազարդած կերամիկայի հետ մեկտեղ արտադրվել են սպիտակ, շատ նուրբ հախճապակյա (faience) իրեր, որոնք, գեոեա թրծելուց առաջ, զարդարվել են փորագրությամբ ու ցանցկենություններով և որոնք ծածկվել են թափանցիկ, մերթ անգույն, մերթ գունավոր չնարակներով:

Համանման հախճապակյա իրեր գտնվում են նաև Իրանում, բայց դրանք հայկականներից ասրերբվում են ինչպես իրենց կավով, այնպես և ձևով: Իսկ այդ իրերի յուրահատուկ, բացի Հայաստանից ուրիշ որևէ աեղ չհանդիպող, զարդանկարներն ստիպում են հավաստելու, որ դրանք տեղական ծաղում ունեն:

Այդ նույն ժամանակներում Հայաստանում արտադրվում էին վարպետի կողմից նկարազարդված շողյուն (lustre), կապի բնույթով ու ձևով նախընթացներին շատ նման խեցեղեն իրեր:

Հայաստանում XII—XIII դարերում ծաղկում է ենթաջնարակային նկարներով զարդարուն և անգորի վրա փորագրված կերամիկայի արտադրությունը: Այդ տիպին պատկանող հայկական խեցեղեն իրերը մոտենում են Հյուսիսային Իրանում գտնվածներին, թեպետ սրանցից ասրերբվում են իրենց զարդանկարների ոճով: Բացի դրանից, այդ դարաշրջանում արտադրվում էին սպիտակ, թեև կազմությամբ XI դարի խեցեղեն իրերի նման ոչ այնքան նուրբ, հախճապակյա իրեր, որոնք ծածկվում էին շատ գեղեցիկ գունավոր չնարակներով և զարդարվում էին վրայից դնովի ու առեցիկ օրիգինալ զննարանքներով: Այդ խեցեղեն իրերը, բացի Հայաստանից և Վրաստանից, ուրիշ որևէ աեղ գտնված չեն՝ մի հանգամանք, որ ցույց է աալիս, թե դրանք տեղական ծաղում ունեն:

Հեաագայում, պեղումների սկսված գործը շարունակվելու դեպքում, հա-

վանաբար կարելի կլինի խոսել հայկական մի շարք խեցեղեն իրերի տիպերի մասին, ըստ հենց այժմ էլ մենք բավականաչափ տեղեկություններ ունենք, որոնք վկայում են Հայաստանի նշանակալից դերը Մերձավոր Արևելքի կերամիկայի արադրության մեջ:

B. A. Shelkovnikov

The industry of the artistic ceramic of the medieval Armenia

S u m m a r y

The excavations of the city of Ani, which had been executed under the guiding of academician N. Y. Marr at the beginning of the XX century and the excavations of the city of Dvin, that have been started lately by the Armenian Branch of the Academy of Sciences of the USSR under the guiding of Dr. S. V. Ter-Avetissian, gave us an abundant ceramic material.

Ranking with the wares brought in from Iran, Mesopotamia and China ceramics of an unconditionally local Armenian origin were detected. The high quality of these wares and the notable number of samples we came upon bears testimony to a developed ceramic industry in the medieval Armenia.

In the X—XI centuries, on a level with the ceramic covered with paintings upon the white slip, faïences of a high quality, with a white and very delicate construction of the body ornamented with engravings upon the raw paste and with pierced decorations, covered with transparent sometimes colourless and sometimes coloured glaze were being produced. Proximate faïences are found in Iran too, but they differ highly from those of Armenia as to their potsherd as well as to their shape. And the original ornamentation of these wares met nowhere but in Armenia compels us to assume them a local origin.

At the same time in Armenia has been carried out the production of wares with the decoration in lustre, very near by the character of their body and their shape to the preceding ones.

During the XII—XIII centuries in Armenia flourished the production of ceramic embellished with an underglaze painting and with an incision upon the white slip. The Armenian wares of that type are near to the type of the northern Iran, though they differ from them in their style of ornamenting. Besides, at that epoch there were in production faïences with white body though of not so fine a construction of their potsherd as compared with the wares of the XI century, covered with very beautiful coloured glazes and adorned with original salient figures laid under. These wares were found nowhere but in Armenia and Georgia, what proves their local origin.

Farther on keeping on the started work of the excavations, probably it will be possible to speak about some more series of the Armenian ceramic wares, but even now we already possess of sufficient intelligences which bear evidence of the notable role of Armenia in the ceramic industry of the Near East.